

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.
Цѣна отд. № 5 н.

№ 115
(Январь).
1909.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
въ РЕДАКЦІИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНИЕ: О томъ, что гнѣвъ въ себѣ надлежитъ удерживать, а въ дру-
гихъ укрощать.—Подарокъ мірянину, ревнующему о своемъ спасеніи. Веседа
старца съ міряниномъ о духовной жизни.—„Прощайте, голубчики“. (По по-
воду кончины о. Іоанна Крошадтскаго). Геро-монаха Неофита.—Одинъ изъ
тѣхъ немногихъ ного весь міръ недостойнъ. Блаженный Христа ради юрод-
ивый священникъ отецъ Теофилактъ Авдѣевъ. *Сергій Нилуса. Остапъ. Свиту.*
С. Колубовскаго.

Прилагается къ Вслог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

О ТОМЪ, ЧТО ГНѢВЪ ВЪ СЕБѢ НАДЛЕЖИТЬ УДЕРЖИВАТЬ, А ВЪ ДРУГИХЪ УКРОЩАТЬ.

Нодобаеть намъ блюстися гнѣва, а если предостеречься отъ него не можно, надлежитъ оной удерживати. Ибо негодование служитъ злымъ поощрениемъ ко грѣху, которое духъ въ такое смущеніе приводитъ, что разуму никакого не оставляетъ мѣста. И такъ во первыхъ надлежитъ старатися, дабы тихость нравовъ, если возможно, чрезъ употребленіе нѣкоторое, привычку и намѣреніе, превратилась въ природу. Но поелику движеніе гнѣва такъ соединено съ природою, что искоренити и преодолѣти его не можно: то должно удерживати оное разумомъ, если предвидѣть можно; или когда духъ твой занятъ гнѣвомъ прежде, нежели ты могъ оной предвидѣти и отвратити его чрезъ свой разсудокъ: то помышляй, какимъ образомъ преодолѣти тебѣ движеніе твоего духа, и умѣрити гнѣвъ. Противься гнѣву, если можешь. Писано бо есть: „дадите мѣсто гнѣву“ (Римл. XII, 19). Іаковъ негодующему брату своему благочестно уступилъ и по совѣту матери своей Ревекки, лучши хотѣлъ странствовать, нежели возбуждати гнѣвъ брата, и тогда возвратится, когда уже оной укротится. Почему Іаковъ столь великую у Бога обрѣлъ благодать. Онъ столь великою покорностію, и столь великими дарами брата своего такъ примирилъ себѣ, что сей послѣдній не вспомянулъ о похищенномъ отъ него благословеніи, а помнилъ только учиненное ему удовлетвореніе.

(Изъ твореній св. Амеросія Медиоланскаго).

Подарокъ мірянину, ревнующему о своемъ спасеніи.

Бесѣда старца съ міряниномъ о духовной жизни.

Мірянинъ. Признаю себя счастливымъ, честный отче, что могу открыть вамъ свое душевное состояніе. Имѣя заботу о спасеніи души своей, много испыталъ я различныхъ скорбей сердечныхъ, приключающихся мнѣ, какъ отъ своей худости и неразумія, такъ и отъ незнанія вообще пути спасительнаго.

Я желалъ имѣть опытнаго наставника и руководителя на этомъ пути, искалъ такового, но увы, не нашелъ! Въ виду сего много сложилось у меня въ сердцѣ разныхъ недоразумѣній относительно внутренней жизни, которыя и желательно было бы всѣ разрѣшить. Прошу васъ, честный отче, не откажитесь побесѣдовать со мною объ этомъ.

Старецъ. Доброе желаніе твое, сынъ мой, и я готовъ послужить тебѣ во спасеніе, сколько Господь дастъ мнѣ силъ и разумѣнія.

Мірянинъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ прошло съ того времени, какъ я, по милости Божіей, воспріялъ на себя благое иго заповѣдей Господнихъ. Въ началѣ моего обращенія на путь истинный, не скрою, честный отче, послѣ небольшихъ сравнительно трудовъ и добродѣланій, въ сердцѣ начала ощущаться благодать Господня. Во время молитвъ, въ храмѣ ли то, или дома, обильно стало являться въ душѣ благодатное умиленіе и сокрушеніе, чего ранѣе не было. Отъ каждаго священнаго возгласа, отъ каждаго пѣснопѣнія и молитвы чувствовалась душою какая то благодатная жизненность и сила. Не замѣтно для меня въ то время проходили церковныя службы, душа же не могла вполнѣ насытиться сладостію словесъ Божіихъ. Нѣкоторые изъ священныхъ возгласеній настолько глубоко напечатлѣвались въ сознаніи, что иногда по нѣскольку дней обращались въ умъ и сердцѣ и доставляли душѣ райское блаженство. Чтобы болѣе углубиться въ изученіи ихъ смысла и какъ бы извлечь всю заключающуюся въ нихъ сладость благодати, я уходилъ иногда далеко отъ селенія человѣческаго и тамъ наединѣ изучалъ ихъ смыслу. Временами возгарался въ сердцѣ духовный огонь благодатный, ни съ чѣмъ не сравнимый, который, какъ бы пережигалъ собою и переваривалъ всю нечистоту внутреннюю. Впослѣдствіи, этотъ благодатный огонь сдѣлался присушимъ неотходно сердцу и отъ него внутренняя жизнь стала умиротворяться. Замѣчать я началъ тогда измѣненіе въ себѣ, а именно: вмѣстѣ съ благодатнымъ горѣніемъ сердца произрастать стали въ душѣ кротость, незлобіе, терпѣніе и трезвенность. Худые помыслы и страстные пожеланія меня совсѣмъ не беспокоили, а если когда и приражались къ сердцу, то достаточно мнѣ было возвести внутреннія очи свои горѣ и уже являлась отнюду же помощь небесная. Позналъ я тогда на дѣлѣ и всѣ Богомудрыя наставленія святителя Теофана, какъ о молитвѣ Иисусовой, такъ и о духовномъ благодатномъ огнѣ. Сладки моему сердцу были слова этого угодника Божія. Они меня возбуждали, поддерживали и руководили въ жизни. Ими я жилъ, утѣшался и укрѣплялся среди мірской жизни. Въ отличіе отъ прочихъ св. отцевъ, въ писаніяхъ святителя, какъ благодатное помазаніе, ощущается

духъ особенной ревности о Богоугожденіи, который я и воспринималъ всюю душою. Въстѣ съ улучшеніемъ душевнаго состоянія, благоустроялось и мое служебное положеніе, со стороны же ближнихъ и сослуживцевъ замѣтно стало благорасположеніе ко мнѣ. И много удивлялся тогда я силѣ и величію благодати Божіей. Въ такомъ вотъ сердечномъ настроеніи и благодатномъ духѣ протекло года полтора, или два, а потомъ слегка стало замѣтно нѣкоторое охлажденіе внутреннее. Отягощать временами начала лѣнь и сонливость при молитвѣ, усиливаться стали и грѣховныя возбужденія въ сердцѣ, да и умиленность сердечная стала умаляться и скрываться въ душѣ; къ тому же впоследствии присоединилось нѣкоторое измѣненіе въ образѣ жизни, отъ котораго еще болѣе усилилось душевное нестроеніе, и вотъ, мало по малу, честный отче, душа моя пришла въ совершенную какую то холодность и нерадѣніе и лишилась благодатнаго утѣшенія. Рѣдко, рѣдко, какъ покажется въ душѣ благодатное умиленіе, а потомъ опять скроется на долго. Грѣховныя же страсти и возбужденія сильно начали тревожить душу, увлекая ее на путь грѣха. Того благодатнаго воспламененія совѣтъ не стало въ сердцѣ, вмѣсто же онаго, тяжесть и томность ощущается въ немъ. Когда же я восприму въ себя нѣкоторую ревность и буду возбуждать себя на слезы, плачь и сокрушеніе, чтобы возвратить прежнее состояніе, то прихожу въ жестокость сердечную и усиливаться начнутъ во мнѣ еще въ большей степени грѣховныя страсти. И не знаю, что теперь мнѣ и дѣлать!.. Возвратиться назадъ и предаться прежней грѣховной жизни? Но боюсь рабства грѣховнаго; да признаться, ужъ больно натерла мнѣ бока грѣховная жизнь. Съ другой стороны мнѣ уже и стыдно себя самого, да и жалко оставить этотъ путь, ибо видѣста очи мои на немъ благодать Господню. Простираться ли впередъ? Но предо мною стало какъ бы темное облако, и пути праваго я не вижу. Остановиться ли на мѣстѣ и собраться съ силами? Но враги душеспасенія не дадутъ мнѣ покоя и ослабленія отъ борьбы ни на часъ. Мое душевное состояніе теперь подобно тому, какое испытывалъ древній Израиль, путешествовавшій изъ Египта въ землю обѣтованную. Съ радостію вышелъ онъ изъ Египта, свѣтлое облако во дни и огненный столпъ въ нощи путоводили его въ землю желанную, немокрыми ногами прошелъ онъ пучину Чермнаго моря, которая всеоружнымъ всадникамъ фараоновымъ содѣлалась гробомъ и бездною; видя ихъ потопленными въ водахъ моря въ радости воспѣлъ онъ побѣдную пѣснь Богу-Помощнику и Покровителю своему и затѣмъ вступилъ въ жестокую пустыню, лишенную всякаго утѣшенія, гдѣ его начали отягощать скудости, скорби, испытанія!.. Таково же точно и мое душевное состояніе, и я испытываю теперь подобныя же скорби.

Мнѣ также нуженъ новый Моисей, который бы наставить меня на путь истинный, который бы провелъ чрезъ пустыню жестокую, который бы ввелъ въ землю обѣтованную!.. Открывая свое душевное состояніе, прошу васъ, честный отче, сказать мнѣ слово во утѣшеніе души. За грѣхи ли мои такъ случилось со мною, или ужъ такъ Богу угодно?

Старецъ. Не скорби и не тужи, сынъ мой. Все что случилось съ тобою, такъ и должно быть; таковъ ужъ общій путь житія духовнаго. „Вначалѣ усовершенія (говоритъ въ одномъ мѣстѣ Еп. Теофанъ) благодать Господня даетъ душѣ вкусить сладости Божіей всѣмъ чувствомъ и удовлетворительно, чтобы умъ имѣлъ точное познаніе о конечной наградѣ богоугодныхъ трудовъ, а потомъ надолго скрываетъ драгоценность сего животворнаго дара, чтобы, хотя исполнимъ всѣ добродѣтели, считали себя рабами неключимыми. Какъ совершенный побѣдитель, душа носится во все это время въ своей области совершенно свободная, все устрояетъ по своему, всему даетъ новый видъ, всюду какъ бы налагаетъ цѣпи на побѣжденныхъ и никто не противорѣчитъ ей. Душа восходитъ въ это время на такую высоту, память о которой потомъ въ продолженіи всей жизни служить для нея кореннымъ воодушевляющимъ началомъ; временами же исполняетъ жизнь святою тоскою о потерѣ нѣкоего драгоценнаго бисера. Восхитительное состояніе! Но человѣку, брэнною плотію обложенному, невозможно навсегда держаться на такой высотѣ. И благодать скоро сводитъ его опять въ обыкновенный кругъ жизни, гдѣ волны грѣха снова слятся покрыть его отовсюду и ему предлежать новыя брани“. Основываясь на вышесказанномъ разсужденіи, я могу съ увѣренностію сказать тебѣ, что для смиренія души и нравственной пользы сокрылось въ сердцѣ твоёмъ благодатное утѣшеніе, попускается же вмѣстѣ съ этимъ и грѣху искушать тебя нечистыми пожеланіями. Легко было бы проходить путь Христіанской жизни, имѣя въ душѣ такое утѣшеніе, но мало принесло бы ей пользы для внутренняго преуспѣянія; даже нанесло бы ей неисцѣлимый вредъ и отдалило отъ Бога, чрезъ самомигніе, которое подъ благодатнымъ утѣшеніемъ возросло бы въ душѣ не замѣтно для тебя самого. Но теперь не то: не видя въ себѣ ничего добраго, не находя достаточныхъ силъ нравственныхъ для противоборства грѣху и не ощущая благодатныхъ присѣщеній, естественно будешь заирать себя,—какъ непотребнаго раба, уничивать и осуждать,—какъ великаго грѣшника, а все это взятое вмѣстѣ и будетъ приводить тебя ко смиренію, которое по разумѣнію св. отцовъ есть основаніе всѣхъ спасительныхъ добродѣлій. Св. Іоаннъ Лѣствичникъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ объ этомъ такъ: „какіе бы мы высокіе подвиги ни проходили, но если не имѣемъ смиреннаго и сокрушеннаго

сердца, они лживы и ни къ чему не годны“. Спрошу же тебя, сынъ мой: гдѣ умиленные воззванія души Божественнаго псалмопѣвца изъ какого душевнаго состоянія родились? Не изъ состоянія ли скорби, тягости, озлобленія и болѣзненности! А глубокіе воздыханія св. Андрея Критскаго и трогательные гимны св. Иоанна Дамаскина, развѣ не выражаютъ собою глубокаго плача и стѣнованія, какъ о грѣховности и немощности естества человѣческаго, такъ и о лишеніи и потерѣ нѣкоего драгоценнаго сокровища благодати? И такъ, не скорби сынъ мой и не впадай въ бездну безнадежности, а веселись и радуйся; къ твоей душевной пользѣ благопромыслительно вся это устроилось.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„ПРОЩАЙТЕ, ГОЛУБЧИКИ“¹⁾.

(По поводу кончины о. Иоанна Кронштадтскаго).

Около большого каменнаго дома гдѣснилась толпа народа. Она быстро росла. Тутъ отецъ Иоаннъ Кронштадтскій—вотъ что привлекало къ каменному дому народъ. „Батюшка идетъ“ пронеслось въ толпѣ и она бросилась къ подъѣзду. Въ сопровожденіи хозяевъ, охраняемый городовыми, о. Иоаннъ показался предъ толпой и сѣвъ въ коляску, врывѣтливо раскланялся и сказалъ толпѣ: „прощайте, голубчики“. Я видѣлъ его тогда уже послѣдній разъ. И какъ живое встаетъ предъ очами радостное его лицо съ необыкновенно ласковыми глазами, а въ ушахъ слышатся теплыя, сердечныя слова: „прощайте, голубчики“. Это было уже въ послѣдніе годы, когда на глубокоочтимаго всею вѣрующею Россіею Кронштадтскаго пастыря поднялась травля и гоненія со стороны злобныхъ враговъ свѣтильника Церкви, когда о. Иоаннъ уже несъ тяжелый крестъ клеветы, оскорбленій и поношеній. Но какой миръ, какая трогательная любовь ко всѣмъ свѣтилась въ его глазахъ! Какъ добрый воинъ Христовъ, онъ благодушно перепосилъ невзгоды своего высокаго служенія, ибо въ немъ пребывали плоды Духа—миръ и радость, приобрѣтенныя путемъ борьбы неустанной со зломъ міра и путемъ постояннаго добродѣланія.

Въ глухой, невѣдомой Сурѣ, на дальнемъ Сѣверѣ зажженъ

¹⁾ Приглашаемъ нашихъ читателей и почитателей блаженной памяти великаго старца Божія о. Иоанна Кронштадскаго сообщить намъ все, что можетъ послужить во славу Божію, о его дѣятельности, подвигахъ, служеніи и благодѣянїяхъ бѣднымъ, скорбящимъ и болящимъ. Будемъ съ благодарностию печатать такія сообщенія въ „Церк. Словѣ“. Редакція.

былъ Богомъ свѣтильникъ—подвижникъ нашихъ дней. Въ бѣдномъ храмѣ родномъ, укрѣпляемый благодатью Христовою, сынъ бѣднаго дьячка воспламеняется любовью къ Богу и постигаетъ силу и смыслъ проникновенной молитвы. Отрока тянетъ въ храмъ Господень, влечетъ туда желаніе пѣть Богу, Щедрому и Благому. Въ юности, въ годы менѣе всего въ наше время благоприятныя для укрѣпленія себя въ молитвенномъ подвигѣ, о. Іоаннъ, познавшій сладость молитвы и добродѣланія, твердо идетъ по пути спасенія. Благодать Божія ставитъ его на свѣщницѣ въ Кронштадтѣ, вблизи шумной и грѣхολюбивой столицы. О. Іоаннъ дѣлается пастыремъ не Кронштадта только, не Петербурга только, а всей матушки необъятной Россіи. Слава о немъ, какъ великомъ молитвенникѣ—цѣлительѣ тѣлесныхъ и душевныхъ недуговъ, проникаетъ за границу и люди нерусской крови на себѣ во очію убѣждаются въ чудодѣйственность молитвъ Кронштадтскаго постыря. О. Іоанна знаетъ вся Россія. Не ошибемся, если скажемъ, что нѣтъ ни одной такой глухой деревушки, гдѣ бы не слышали, гдѣ бы не читали о. Іоанна Кронштадтскаго. Можно сказать, вся св. Русь была у него въ Кронштадтѣ. Вѣрующіе русскіе люди стремились туда всей душой, со всѣмъ усердіемъ. Въ кронштадтскомъ Андреевскомъ соборѣ постоянно находились толпы народа, прибывшаго помолиться вмѣстѣ съ о. Іоанномъ его горячею, пламенною молитвою. Молитвенные вздохи Кронштадтскаго пастыря вызывали потоки слезъ у богомольцевъ, его призывы къ покаянію размягчали самыя жесткія сердца, слова благодаренія и хвалы Всевышнему; слова радости духовной окрыляли и поднимали духъ вѣрующихъ. Во время пламенной молитвы о. Іоанна казавшіеся совсѣмъ умершими духовно-оживали, воскресали, отчаявшіеся поднимались, немощныя укрѣплялись. О. Іоаннъ былъ точно свѣтлый лучъ солнца, согрѣвавшій и животворившій сердца людей.

Недаромъ, съ такимъ усердіемъ и встрѣчали великаго молитвенника земли Русской православныя люди. Прїѣздъ его въ тотъ пли другой городъ или село былъ великимъ счастьемъ для ихъ обитателей. Не весь ли городъ выходилъ въ срѣтеніе ему, не всѣ ли искренно вѣрующіе, оставивъ дѣла и заботы, устремлялись туда, гдѣ былъ, гдѣ молился отецъ Іоаннъ? Вологжане должны благодарить Бога, что ихъ городъ лежалъ на пути между Кронштадтомъ и родиной о. Іоанна, который въ прежніе годы неопустительно лѣтомъ заѣзжалъ въ Вологду, къ великой радости его обитателей. Они должны благодарить Бога, что присутствовали на чудной службѣ великаго молитвенника, который, всѣмъ существомъ своимъ отдавался св. дѣлу богослуженія. Что за дивныя моменты переживали тѣ, кто присутствовалъ при совершеніи литургіи о. Іоанномъ? Не забывали ли они все земное

и ихъ пребываніе въ храмѣ, ихъ молитва была однимъ порывомъ къ Богу? Какимъ одушевленіемъ и убѣжденностью проникнуты были проповѣди о. Іоанна? Полтора года тому назадъ онъ говорилъ свое горячее слово о значеніи для хрістіанина вѣры и до сихъ поръ такъ ясно звучитъ въ ушахъ каждая его фраза, запечатлѣвшаяся на скрижаляхъ сердца. Рѣчи пастыря молитвенника будили дремлющую совѣсть, вызывали желаніе идти во слѣдъ Хріста и въ терпѣнныя нести подвигъ борьбы со грѣхомъ и зломъ міра.

И не стало отца Іоанна, родного, дорогого всѣмъ батюшки. Онъ умеръ 20 Декабря раннимъ утромъ, соединившись чрезъ причащеніе со Хрістомъ, въ которомъ жилъ. Скорбью сжимается сердце. Потеря невознаградима. Нѣтъ въ мірѣ теперь священниковъ равныхъ ему. Въ одномъ мы находимъ утѣшеніе своему мигущемуся духу: о. Іоаннъ ушелъ на небо ко Господу своей чистой душой и будетъ за насъ еще болѣе теплымъ и дерзновеннымъ предъ Богомъ молитвенникомъ и ходатаемъ, чѣмъ здѣсь на землѣ.

„Прощайте, голубчики“—эти золотыя слова, слышанныя мною послѣдними изъ устъ о. Іоанна, сказаны были имъ въ послѣдніе несчастные годы, когда звѣрь открылъ уста свои хульные на Господа и Хріста Его, когда враги Церкви съ свирѣпою яростію устремились на столповъ, свѣтильниковъ Православія, чтобы, уронивъ авторитетъ ихъ въ глазахъ народа, перетянуть его изъ нѣдръ Церкви на пути своего нечестія. Они ополчились на о. Іоанна со своею черною клеветою, чтобы запачкать свѣтлый обликъ любимаго народомъ батюшки. Они употребили все свое наглое искусство, чтобы опорочить доброе имя Кронштадтскаго пастыря. Врагамъ Церкви, ненавидящимъ столповъ ея всегда, особенно бываетъ противна дѣятельность подвижниковъ-пастырей въ то время, когда враги готовы бываютъ торжествовать побѣду. Въ моменты смуты, когда стали рушиться устои русской жизни, о. Іоаннъ выступилъ съ рѣшительнымъ словомъ въ защиту вѣры Православной, Церкви родной, Царя русскаго и православнаго. И слово его огненное зажигало сердца слышавшихъ его людей. Такъ какъ у ногъ о. Іоанна была, можно сказать, вся Россія, къ нему за благословеніемъ, за совѣтомъ приходили люди изъ всѣхъ мѣстъ нашего необъятнаго отечества, какою величїною является о. Іоаннъ, какъ сильно можетъ тормозить онъ ихъ зловредное дѣло, клонящееся къ ниспроверженію Церкви и Государства! Не удивительно, что они изоцрялись всячески сломить значеніе Кронштадтскаго пастыря.

Близость духовная, глубокое почитаніе о. Іоанна женщинами толкуется врагами Церкви съ самой неблагопрїятной для него стороны. Черною клеветою на о. Іоанна проникнуты юдофиль-

скія газеты. Мы знаемъ, чье это дѣло. Знаемъ, кто подарилъ деньгами извѣстнаго Ренана, чтобы онъ въ своей книгѣ „Жизнь Иисуса“ истолковалъ самымъ кощунственнымъ образомъ отношеніе даже къ Господу Иисусу Христу глубоко вѣрующихъ въ Его Божество женъ муриносицъ. Намъ извѣстны старанія враговъ Церкви аріанъ-еретиковъ въ IV вѣкѣ очернить личность столпа Православія святителя Аѳанасія Александрійскаго тоже обвиненіями его въ нечистыхъ отношеніяхъ съ женщинами. И на великаго подвижника, столь любимаго народомъ, о. преподобнаго Серафима, именно на его духовное руководство и покровительство дивѣнскимъ сестрамъ налагалась людьми злыми темная тѣнь. Общей судьбы великихъ свѣтильниковъ Церкви не избѣжалъ и о. Іоаннъ Кронштадтскій.

Его обвиняли въ накопленіи богатствъ. Рука благотворителей щедро передавала ему большія жертвы, но все шло на разныя благотворенія. Десятки, вѣрнѣе сотни тысячъ обездоленныхъ, несчастныхъ имъ утѣшены, найдя себѣ помощь въ учрежденіяхъ, которые созданы, на которыя посылались добрымъ пастыремъ не малыя лепты... Послѣ о. Іоанна не осталось никакихъ средствъ, какъ утверждаютъ достовѣрныя, свѣдущія лица.

Каждый шагъ, каждый постонокъ враги о. Іоанна старались истолковать въ худую сторону, чтобы тѣмъ отлучить, лишить довѣрія, оттолкнуть отъ него почитающій его народъ.

И малодушные не устояли подъ напоромъ соблазновъ, но твердые остались навсегда вѣрными Церкви и ея достойными сынами.

О. Іоаннъ терпѣлъ.

Особенно больно было сердцу Кронштадтскаго пастыря распространеніе, такъ называемаго, іоаннитства. Руководимые петербургскими вождями, іоанниты, прикрываясь именемъ глубоочитамаго всею Россіею батюшки, разбрелись по городамъ и всѣмъ съ проповѣдью богохульнаго ученія о томъ, что отецъ Іоаннъ—Богъ, что въ немъ—Св. Троица, что въ книгу живота будутъ записаны лишь тѣ, которые причастятся отъ руки о. Іоанна, что всѣ другіе пастыри—книжники и фарисеи, ихъ, равно и храмовъ, гдѣ они служатъ, нужно бѣгать. Іоанниты сманивали благочестивыхъ мужчинъ, женщинъ и дѣвушекъ, совѣтуя имъ продавать свое имѣніе и ѣхать въ Кронштадтъ, давая имъ адреса къ руководителямъ секты. Сколько домовъ продано было въ эти годы, напр., въ Никольскомъ уѣздѣ, Волог. губ., сколько хозяйствъ разорилось, сколько мужей оторвано отъ женъ, дѣтей отъ родителей вслѣдствіе іоаннитской пропаганды! О. Іоанну дѣлали запросы по поводу дѣйствій іоаннитовъ и пастыри, и міряне, у него въ Кронштадтѣ были депутаціи крестьянъ, повѣствовавшіе ему о томъ гибельномъ злѣ, которое распространяютъ

люди, называющіе себя посланцами о. Іоанна. Понятно, какъ сильно страдалъ о. Іоаннъ, получая запросы, слыша печальные рассказы народа. Онъ обличалъ, проклиналъ именующихъ себя іоаннитами, вразумлялъ, предупреждалъ православныхъ. Зло не пресѣкалось, но о. Іоаннъ надѣялся на побѣду добра. А іудействующіе и другіе враги Церкви насмѣхались надъ великимъ пастыремъ, издѣвались надъ нимъ, приписывая его честному всегда имени продѣлки іоаннитовъ, чтобы ослабить авторитетъ молитвенника въ глазахъ народа. Ересь іоаннитства осуждена. Ее ожидаетъ смерть, уничтоженіе, подобно другимъ ересямъ. И спокойный о. Іоаннъ проводитъ послѣдніе дни своей жизни на землѣ.

„Прощайте, голубчики“—не хочется вѣрить, что это были послѣднія слова, слышанныя мною изъ его устъ. „Прощайте“, здѣсь, на землѣ. Но тамъ, на небѣ, вѣримъ, если будемъ достойны, вновь встрѣтимся съ нимъ и уже неразлучены будемъ навсегда.

Иеромонахъ Неофитъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ТѢХЪ ВАЖНЫХЪ, КОГО ВСЕЖИЗНЬ НЕДОСТОИМЪ.

Блаженный Хріста ради юродивый священникъ, отецъ Теофилактъ Авдѣевъ.

(Продолженіе).

VI.

Въ нашемъ Покровскомъ монастырѣ живетъ одна дѣвица, дочь священника. Эта дѣвица мнѣ объ о. Теофилактѣ передавала слѣдующее:

Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда, села Хитровщины, священникъ Теофилактъ Авдѣевъ внезапно оставилъ свое священническое мѣсто, жену и маленькую дочь и сдѣлался странникомъ. Принявъ на себя такой подвигъ не иначе какъ по особому Божьему изволенію, онъ не имѣлъ гдѣ главы поклонити, преслѣдуемый всюду злорѣчіемъ и насмѣшками міра, пониманію котораго никогда не былъ доступенъ этотъ родъ хрістіанскаго православнаго подвижничества. Къ одному только священнику Тульской епархіи, села Соколовки, Алексѣю Ивановичу Преображенскому, отецъ Теофилактъ имѣлъ невозбранный входъ и

даже, за его отлучкой изъ прихода, исправлялъ за него требы: исповѣдывать, причащалъ больныхъ, крестилъ младенцевъ, отпѣвывать покойниковъ, служилъ молебны; и всѣ эти требы онъ совершалъ всегда безъ всякаго упущенія, не позволяя себѣ пропускать ни одного слова.

Когда о. Преображенскій еще былъ ученикомъ 3-го класса духовнаго училища въ Коломнѣ, Оеофилактъ Авдѣевъ былъ тамъ учителемъ. Съ тѣхъ поръ они не видались другъ съ другомъ до того времени, когда, уже будучи священникомъ въ с. Соколовкѣ, о. Преображенскій увидаль, что мимо его дома ведутъ на господскій дворъ какого-то связаннаго человѣка. Заинтересовавшись этимъ человѣкомъ, о. Преображенскій подошелъ къ нему поближе и сразу узналъ въ немъ своего бывшего учителя. Сейчас же онъ приказалъ развязать его и повелъ къ себѣ въ домъ. Все это видѣла изъ окна жена о. Преображенскаго и подумала про себя: вотъ, ведутъ къ намъ какого-то безумнаго—онъ только дѣтей перепугаетъ... Когда о. Оеофилактъ вошелъ въ домъ, то первое его слово было къ женѣ о. Преображенскаго:

— „Матушка!“—сказалъ онъ ей смѣясь: „запритесь съ дѣтками въ спальню; а я ихъ не перепугаю!“

Съ этихъ словъ о. Оеофилакта матушка почувствовала, что въ его лицѣ она встрѣтила гостя не изъ обыкновенныхъ и стала относиться къ нему съ величайшимъ уваженіемъ.

Какъ то разъ, когда о. Оеофилактъ находился въ гостяхъ у Преображенскихъ, зашла сильная гроза. Онъ въ это время лежалъ на полатяхъ. Его просили встать и помолиться, но онъ не всталъ, а сказалъ:

— „Какая благодать! Эта благодать свѣтъ Божій освящаетъ!“

Въ другой же разъ было не такъ. Былъ о. Оеофилактъ на огородѣ и что-то тамъ копался въ грядкахъ. Вдругъ, бѣжить онъ съ огорода скоро, скоро и кричитъ:

— „Ухъ, страхъ какой! идетъ туча!“

И сталъ молиться. Всѣ вышли посмотреть, но тучи никакой не было. Прошло нѣсколько времени: зашла туча страшная и хотя скоро прошла, но успѣла разразиться тремя страшными ударами; въ трехъ ближайшихъ деревняхъ отъ этихъ ударовъ былъ пожаръ. Отецъ Оеофилактъ все время молился, пока не прошла туча.

Былъ у о. Преображенскаго сынъ лѣтъ двѣнадцати; онъ учился въ школѣ, а жилъ у своей тетки, Евдокии Филипповны. На масляницѣ во вторникъ послали за нимъ лошадь; пришла и среда, а сына все нѣтъ. Вотъ, и спрашиваютъ о. Оеофилакта:

— „Батюшка! что же это нашъ сынъ долго замѣшкался?“

— „До четверга“, отвѣчаетъ онъ: „лошадку и кучера ваша

сестрица, Евдокія Филипповна, покормить, а племянникъ вашъ съ семействомъ пробирается къ своему брату; да куда ѣхать въ такую погоду-то? Здѣсь масленицу поспразднуеть... А сынка вашего, Ивана Алексѣевича укусила черная собака очень больно"...

При этомъ словѣ отецъ Теофилактъ вздохнулъ.

— „Батюшка“, говорятъ ему: „что вы такое говорите? Какая собака?“

— „Да, Иванъ Алексѣевичъ женится“, отвѣчаетъ онъ: „а Дарья Ивановна смотритъ, какъ печка топится... Ухъ! какъ жарко!“

Что же вышло? Въ этотъ же день вечеромъ къ о. Преображенскому прѣхалъ племянникъ съ семействомъ: по дорогѣ къ своему брату, заѣхалъ навѣстить дядю: ночь заночевалъ, а на утро поднялась метель: „куда было ѣхать въ такую погоду!“—и они остались на всю масленицу. Сынъ, за которымъ была послана лошадь, прѣхалъ въ четвергъ благополучно: его задержала тетка, Евдокія Филипповна. Слова же о. Теофилакта—о черной собакѣ, о Дарьѣ Ивановнѣ и о печкѣ сбылись въ свое время дивнымъ образомъ: сынъ о. Преображенскаго, Иванъ Алексѣевичъ, котораго тогда ждали на масленицѣ, достигши 17-ти лѣтняго возраста, внезапно сдѣлался боленъ чѣмъ-то вродѣ умопомѣшательства; потомъ это болѣзненное состояніе у него прошло, и его опредѣлили на службу въ Тульское губернское казначейство. Когда же Ивана Алексѣевича родные собрались женить, то на свадьбу прѣхала и родственница Преображенскихъ, Дарья Ивановна. Все это происходило въ Тулѣ. Собрались уже всѣ ѣхать въ церковь къ вѣнцу, а пришлось, вмѣсто вѣнца, спѣшно бѣжать изъ Тулы, которая внезапно загорѣлась. Пожаръ разгорѣлся съ невѣроятной быстротой; пламя бушевало, какъ море; разрушались церкви Божіи, каменные зданія; на рѣкѣ мосты горѣли: такъ сбылось предсказаніе о. Теофилакта. Въ ужасномъ положеніи вмѣстѣ съ прочими очутилась тутъ и Дарья Ивановна, едва перенесшая зрѣлище этого страшнаго пожара.

Дочери Преображенскихъ о. Теофилактъ предсказывалъ, что она останется въ дѣвицахъ и что ее нужно отдать въ монастырь „на Черную Гору“, т. е. въ Михайловъ. Родители не соглашались ее отдать въ этотъ монастырь и говорили:

— „Если ужъ хочетъ идти въ монастырь, то пусть идетъ въ ближайшій Тульскій“.

А о. Теофилактъ на это, бывало, скажетъ:

— „Тульскій монастырь на паутинкѣ виситъ: тамъ съ голоду всѣ поколѣли; а въ Михайловскомъ монастырѣ наша барышня будетъ своими пальчиками довольна“.

По времени дочь Преображенскихъ поступила въ Тульскій монастырь, жила тамъ 8 лѣтъ и сказывала съ ней жившимъ, что

не сбылось на ней предсказаніе о. Теофилакта. Но, послѣ его смерти, ей, встаки, пришлось переселиться въ Михайловскій монастырь и жить своими трудами.

Къ отцу Преображенскому хаживалъ еще одинъ юродивый, извѣстный подъ именемъ „босаго Миронушки“. Сидѣли какъ-то за обѣдомъ—семья Преображенскихъ, о. Теофилактъ и Миронушка. Къ нимъ за трапезу вошелъ неожиданно неизвѣстный нѣмой и сталъ всѣхъ благословлять іерейскимъ благословеніемъ. Отецъ Теофилактъ очень обрадовался этому нѣмому, всталъ изъ за стола, поцѣловался съ нимъ за руку и сказалъ:

— „Христось посредѣ насъ!“

И еще сказалъ ему тихо, но такъ, что можно было раз- слышать:

— „Не всѣмъ же быть въ одномъ домѣ!“

Послѣ этихъ словъ, какъ ни оставляли Преображенскіе нѣмого обѣдать, онъ не остался и ушелъ. По уходѣ его, спросили о. Теофилакта:

— „Кто такой нѣмой этотъ?“

И о. Теофилактъ, и Миронушка въ одинъ голосъ отвѣтили:

— „Священникъ, отецъ Аѳанасій“.

Нѣмымъ онъ сталъ, по словамъ о. Теофилакта, оттого, что ему языкъ отрѣзали разбойники.

Къ этому же о. Преображенскому о. Теофилактъ пришелъ на престольный праздникъ. У хозяина были гости, и между ними былъ и о. благочинный, священникъ села Люторецъ. Вскорѣ пришелъ и дячекъ изъ села Собакина Рязанской губерніи, подошелъ онъ къ о. благочинному и къ хозяину подъ благословеніе, а затѣмъ и къ о. Теофилакту. Этотъ благословлять его не сталъ и сказалъ ему:

— „Ты тридцать дьямищихъ духовъ съ собой привелъ!“

Дьячекъ на это отвѣтилъ грубо:

— „Иной учился, учился, да и заучился!“

О. Теофилактъ схватилъ его за волосы и потащилъ вонъ, приговаривая:

— „Не ходи съ этимъ, солдатъ, въ благословенный домъ!“

И точно: вскорѣ этотъ дячекъ за порочное поведеніе былъ отданъ въ солдаты.

Поѣхалъ разъ о. Преображенскій въ Тулу за св. муромъ. Въ его отсутствіе пріѣхали за священникомъ звать къ больному за 7 верстъ. Матушка о. Преображенскаго и проситъ о. Теофилакта съѣздить причастить больного.

— „Онѣ тамъ не помрутъ“, отвѣтилъ батюшка: „самъ отецъ Алексѣй (Преображенскій) отъ Шилова посигншаетъ на своихъ золотыхъ крылышкахъ. Взялъ муро, а храмозданную привезетъ мастеръ“.

И часу не прошло, пріѣхаль о. Преображенскій и привезъ св. миро. Оказалось, что онъ ночеваль въ деревнѣ Шиловъ, откуда и торопился пріѣхать домой, боясь за требы. Передали ему слова о. Теофилакта; онъ удивился и сказалъ:

— „Я, дѣйствительно, подалъ владыкѣ прошеніе разрѣшить перекрыть церковь и росписать ее внутри заново“.

А за о. Преображенскимъ въ тотъ же день пріѣхаль живописецъ, взялъ подрядъ на работы въ храмѣ и вызвался самъ привести и указъ на ремонтъ храма.

Въ приходѣ о. Преображенскаго у помѣщичьяго прикащика сынъ служилъ чѣмъ-то у полковаго генерала и нажилъ деньги. Какъ-то разъ сидитъ у Преображенскаго о. Теофилактъ и вдругъ какъ засмѣется, да и говоритъ:

— „Вотъ, вѣдь, какъ распестрились! Всѣ судьбы Божіи за одинъ пирожокъ хотятъ узнать!“

Сказаль и легъ на полати. Черезъ часъ пріѣхала женщина въ ярко-пестромъ ситцевомъ капотѣ, привезла пирожокъ отъ прикащика и подаетъ его съ почтеніемъ о. Теофилакту. Онъ не взялъ и сказалъ со вздохомъ:

— „Не такіе столбы и тѣ падаютъ: то катаются на тройкахъ, то ползкомъ ползаютъ!“

Впослѣдствіи сынъ прикащика пріѣхаль къ роднымъ на побывку и отморозилъ себѣ ноги; одно время ползаль на четверенькахъ, а потомъ сталъ кое-какъ ходить на костыляхъ и такъ и остался навѣкъ калѣкой.

Одно время стали вызывать священниковъ ѣхать по желанію служить на Кавказъ. Вотъ, и говоритъ разъ матушка Преображенская своимъ дѣтямъ:

— „Поговорить надо отцу: требуются священники на Кавказъ; тамъ, говорятъ, очень хорошо; и прогоны дадутъ казенные“.

Приходитъ отецъ Теофилактъ, разсерженный, не въ духѣ; ничего не пропѣлъ, какъ всегда, по своему обычаю, пѣваль при входѣ; ни многолѣтія не возгласилъ, что тоже дѣлываль обыкновенно. На немъ ряса въ то время была ватная, подрясникъ овчинный, ситцевая рубашка на подкладкѣ, и къ подолу рубашки была еще пришита толстая холстина; сапоги старые. Хозяева не знали чѣмъ ему и угодить; спрашиваютъ:

— „Не угодно ли вамъ, батюшка, покушать?“

— „Куда тугъ кушать!“—отвѣчаетъ онъ съ сердцемъ: „жара какая! Бѣжалъ, бѣжалъ: сказали близко, а верстъ двѣнадцать будетъ отъ Новопанска (село Новопанское Михайловскаго уѣзда отъ Преображенскихъ въ 45 верстахъ).“

— „Батюшка! Что жъ вы такъ спѣшили?“

— „Какъ же? На Кавказъ идутъ!“

Хозяева спрашиваютъ:

— „Кто-жъ это идетъ, батюшка?“

— „Да, Аграфена Филипповна (жена о. Преображенскаго). Васъ тамъ наставятъ, дураковъ, да въ пушки и ударятъ!“

— „Кто-жъ вамъ, батюшка, сказываль?“

— „Кто? Петербургскій купецъ прїѣзжалъ въ Михайловъ нач-портъ братъ—онъ и сказываль!“

Конечно, ни съ какимъ Петербургскимъ купцомъ и рѣчи объ этомъ не было, какъ не было и самого купца.

— „Да мы, батюшка, и не пойдемъ!“

Онъ засмѣялся и сказалъ:

— „Пожалуйте, матушка, покушать; вѣдь, вы общались!“

Разулся. Ноги всѣ въ кровь стерты; перемѣнилъ рубашку и отдалъ хозяйкѣ.

— „Вотъ, тебѣ, родимая сестрица, Θεодосья Авдѣевна!“

Онъ ее такъ часто называль.

— „Береги, чтобы рубашка лежала въ покоѣ!“

Рубашка эта и до сего дня лежитъ въ сундукѣ и оставлена въ наследство меньшей дочери священника, о. Алексѣя Преображенскаго.

Такъ, бывало, поживетъ о. Θεофилактъ у этого священника сколько угодно—иногда недѣли три, а тамъ и уйдетъ не сказавшись.

Въ послѣднїй разъ онъ прїѣхаль къ Преображенскимъ на лошади съ Новопанскимъ мужичкомъ. Было это Великимъ Постомъ. Ночеваль одну ночь; утромъ, напившись чаю, позавтракаль и приказаль заложить лошадь. Напомнилъ про рубашку и опять наказаль, чтобы была въ покоѣ. Упрашивали его, чтобы онъ еще остался ночевать, но онъ не остался. Благословилъ домъ, благословилъ семейство Преображенскихъ и, прощаясь, сказалъ:

— „Миръ дому сему!“

Съ тѣхъ поръ его уже въ этомъ домѣ не видали: тѣмъ же годомъ онъ и скончался...

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОСТАПЪ.

Жилъ въ селѣ Деміевкѣ старый Охримъ. Жена его, Дарья, не въ мѣру баловала своего единственнаго сына, Остапа. За него все дѣлали его сестры, а Остапъ все терся возлѣ матери, привыкая къ праздности и бездѣлю...

Выросъ Остапъ плохимъ работникомъ, но первымъ гулякой на селѣ... Во всѣхъ пирушкахъ и ночныхъ затѣяхъ онъ былъ главный зачинщикъ... И все ему сходило съ рукъ...

Денегъ Остапу требовалось много, а ихъ не было... И привыкъ Остапъ воровать у отца и матери все, что плохо лежало...

Сильно разбаловался Остапъ, и къ двадцати четыремъ годамъ сдѣлался непробуднымъ пьяницей... Заплакала Дарья горькими материнскими слезами, но было уже поздно...

Охримъ долго терпѣлъ сыну его выходки, но наконецъ не выдержалъ,—и жестоко наказалъ его за пьянство и распутство... Тогда Остапъ присталъ къ шайкѣ конокрадовъ, и сталъ воровать чужихъ лошадей...

Женился Остапъ... Жена ему пошла тихая да смиренная и работающая, золото—хозяйка... Но Остапъ не влюбилъ ее за то, что она не соглашалась перепрятывать краденныя вещи,—и сталъ бить ее... Тяжко жилось бѣдной Акулинѣ (такъ звали жену Остапа), но она все терпѣла, и молила Господа вразумить ея мужа, и направить его на путь истинный...

Попамясь Остапъ: его поймали съ чужими лошадьми,—и засудили на два года въ тюрьму... Сколько было горя въ семьѣ, сколько слезъ было пролито, сколько горячихъ молитвъ вознесено было ко Господу!.. Глаза старой Дарьи, матери Остапа, покраснѣли отъ слезъ, а Акулина даже захворала отъ горя...

Отсидѣвъ Остапъ свой срокъ, и домой вернулся... Просили его родные, умоляли, чтобы исправился и сталъ добрымъ, честнымъ хозяиномъ; но старая дорожка грѣха была милѣе честной, трудовой доли крестьянской,—и Остапъ опять принялся за воровство... Его опять поймали и судили... Теперь Остапъ высланъ на поселеніе въ Сибирь, и зоветъ къ себѣ жену на жительство... Исправится-ли онъ хоть тамъ?...

Поживемъ—услышимъ...

Свящ. С. Козубовскій.

ВЫШЛИ НОВЫЯ КНИЖКИ „ТРОИЦКОЙ НАР. БЕСѢДЫ“:

№ 47: **Бесѣда съ прихожанами о „пользѣ приходскаго совѣта“ для приходской жизни.** Ц. 2 к., съ пер. 4 к.

№ 48: **Житіе преподобнаго Алексія Человѣка Божія.** Ц. 4 к., съ перес. 6 к.

Выписывать можно: Вологда Соборная площадь, въ свѣчной лавкѣ Братства Вс. Спаса, въ Редакціи „Троицкихъ Листковъ“ Сергіевъ пос., Троицъ. Лавра и „Церковнаго Слова“.